

УДК 165.724 : 130.2
ББК 63.3

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Институт философии им. Г. С. Сковороды
Национальной академии наук Украины
(01001, Украина, г. Киев, ул. Трехсвятительская, 4)
e-mail: darenskiy@yahoo.com

Культурологические идеи В. И. Вернадского

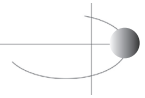
В статье рассматриваются культурологические идеи В. Вернадского и их экзистенциальные аспекты. Авторская интерпретация этих идей базируется на анализе таких источников, как дневники, письма и статьи. В статье рассматриваются различные концепции В. Вернадского: 1) сущность человеческого разума и специфика типов познания; 2) движущие силы истории и факторы культурной креативности; 3) культурное значение научных открытий; 4) специфика философии как типа познания и творчества; 5) диагнозы и прогнозы культурных процессов XX столетия, а также культурная специфика России. В статье исследуются тематические и методологические связи между этими концепциями. Автор предлагает свою интерпретацию культурологических идей В. Вернадского, акцентируя тот факт, что его идеи базируются на переосмыслении универсального человеческого опыта, который необходимо связан с источником человеческой свободы. В частности, человеческое сознание и познание интерпретируется В. Вернадским как незавершенные и проблемные сущности, которые определяются различными типами «пути» творческого поиска (наука, философия, религия и поэзия). Особое внимание в статье посвящено анализу основных факторов культурной креативности в соответствии с концепцией В. Вернадского. Концепция «мира как кристалла» в её метафизическом смысле рассматривается в данной статье как ключ к пониманию мировоззрения В. Вернадского, которое в целом определяется автором как «морфизм». Особое внимание также посвящено интерпретации «внутренних механизмов» культурной активности как феномена поведения в соответствии со «стремлением к Абсолюту» (В. Вернадский).

Ключевые слова: культура, наука, философия, религия, идеи, познание, кристалл.

Vitaliy Juryevich Darensky,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Institute of Philosophy named after G. S. Skovoroda
Ukrainian Academy of Science
(4 Tryokhsviatitelskaja St., Kiev, Ukraine, 01001)
e-mail: darenskiy@yahoo.com

V. I. Vernadsky's Ideas on Cultural Studies

The author considers the problem of existential and anthropologic ideas of V. Vernadsky's on cultural studies. Author's interpretation of these ideas is based on the analysis of such sources as his sketches, letters and diaries. The paper discusses various Vernadsky's conceptions: 1) essence of human reason and typos of cognition; 2) moving forces of history and cultural creativity; 3) cultural meaning of scientific discoveries; 4) specific of philosophy as typos of creativity; 5) diagnosis and prognosis of cultural processes in the XXth century. The article also examines thematic and methodological links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of V. Vernadsky's views on cultural studies, emphasizing that his ideas are based on rethinking of universal human experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. For instance, human consciousness and cognition is interpreting by V. Vernadsky as a non-finished and problematical essence, which determined by different types of "ways" (science, philosophy, religion and poetry). Special attention in article is drawn to analysis of cultural creativity determination according to V. Vernadsky's conception. The concept of "world as crystal" in its metaphysical sense is considered here as a key to understanding of V. Vernadsky's worldview style, which was defined by author as "morphism". Special

attention in article is devoted to interpreting of “inner mechanisms” of cultural activity as a phenomenon of behavior according to “streaming to Absolute” (V. Vernadsky).

Keywords: culture, science, philosophy, religion, ideas, cognition, crystal.

В идейном наследии В. И. Вернадского до настоящего времени остаётся значительное число мыслей и идей, ещё не получивших достаточного осмысления. В частности, заслуживают внимания его культурологические идеи, во многом проясняющие истоки учения о ноосфере. Вместе с тем эти идеи имеют и вполне самостоятельное значение, поскольку, как мы покажем далее, представляют собой весьма ценный *опыт преодоления сциентизма в понимании культурных явлений*, весьма актуальный для нашего времени.

Среди текстов В. И. Вернадского, не только научного характера, но и в его обширной переписке и дневниках, имеется большое количество таких, которые можно рассматривать как культурологические. Их подробный анализ мог бы стать предметом для целой книги. Обзор литературы о В. И. Вернадском показывает, что эта тема до настоящего времени почти не разрабатывалась, хотя первая подборка культурологических текстов из его дневниковых записей и писем была опубликована ещё в 1981 году [10].

Исходя из этого, в данной статье мы кратко рассмотрим ряд ключевых идейных «блоков», которые дают представление о творческом наследии В. И. Вернадского в этой сфере. В частности, будут рассмотрены темы: 1) сущности человеческого разума и типов познания; 2) движущих сил истории и культуротворчества; 3) культурного смысла научных открытий; 4) философии как типа творчества; 5) диагноза и прогноза культурных процессов XX века.

I. Мистические истоки познания.

В. И. Вернадский, в отличие от большинства естествоиспытателей, а также вообще людей секулярного мировоззрения, не идолопоклонствовал перед «естественным», духовно не преображённым человеческим разумом. В своем дневнике от 1/2. II. 1920 он отметил: «Красивая и глубокая мысль Ля Рошфуко “Nous n’avons pas assez de force pour suivre notre raison”» [т. е. «Мы не имеем достаточно сил, чтобы следовать нашему разуму»] [1, с. 25]; и далее добавил: «Я думаю, что поступки не из разума: разум подводит в среднем их объяснения после их совершения» [1, с. 41]. События революции 1917 года и ужасы гражданской войны полностью разрушили его сциентистское мировоззрение. В частности, он писал в тот период, что «одно

из поучений переживаемого есть крушение человеческой логики: действительность есть ясное проявление большего базиса жизни, чем тот, которым неизбежно орудует наш разум в своей критике и своих суждениях – и в своей оценке происходящего. Эта оценка логически истекает из посылок, которые неизбежно не совпадают целиком с жизнью» [7, с. 216]. А вскоре, после тяжелого тифа, во время которого он впадал в состояния сознания, близкие к мистическим, учёный записал 9. III. 1920 г. открывшееся ему новое для него знание: «*явления являются проявлением единого вечного целого и я познаю одно и то же научным исканием, религиозным и поэтическим вдохновением, мистическим созерцанием, философским мышлением...* А по существу, все безразлично приводит к одному познанию, какую бы форму проникновения в него я ни взял» [выделено мной – авт.] [1, с. 44]. Познание «единого вечного целого», которое открывается разными путями, по сути, и есть *утверждение мистической основы всякого познания* (т. е. как познания, открывающегося затем в разных формах и путях), если под словом мистическое понимать его первичный смысл – как непосредственную причастность не только разума, но и самой онтологии человека к первооснове бытия.

Впрочем, предпосылки такого мировоззренческого поворота назревали давно. Так, в письме к Н. Е. Вернадской 10 июня 1893 г. он писал: «читаю сейчас Библию. И как-то странно, одновременно я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на неё смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может мыслить разное и несводимое в одно и чувствовать единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении Библии» [10, с. 287]. Здесь уже явно есть опыт *причастного*, т. е. мистического познания. Впоследствии этот опыт стал не только одним источников идеи ноосферы, но и ряда других идей. В конце жизни, подводя итоги своих размышлений в трактате «Научная мысль как планетарное явление», В. И. Вернадский написал: «уже сейчас можно утверждать, что основное представление, на котором построена всякая философия, абсолютная непреложность разума и реаль-

ная его неизменность не отвечают действительности... Homo sapiens не есть завершённое создание, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длительной цепи существ...» [3, с. 107]. Здесь под натуралистической «оболочкой» (может показаться, что речь идёт о дальнейшей «эволюции», т. е. появлении из человека неких высших существ), но на самом деле автор пишет о преобразении *самого* человека из состояния, в котором он себя назвал homo sapiens, не обладая при этом «совершенным мыслительным аппаратом», в иное состояние: это процесс преобразования человека, объективно соответствующий заповеди «обновлять наш ум» (Римл. 12. 2), т. е. процесс перехода от homo sapiens к homo spiritualis.

При этом В. И. Вернадский видел стремление к такому преобразению, хотя и выраженное в крайне неадекватных формах, даже в материализме. Он писал о том, что «материалистическое представление о материи, состоящей из молекул, одарённых вечным движением», представляет для него «загадку, о которой он много «думал последнее время. Ибо вопрос о вечном движении молекул, причине инерции неизбежно приводит к нематериальной причине и легко мирится с идеей Божества – точно так же и их “беспорядочное” движение (демон Максвелла)» [1, с. 45]. Тем самым, попытка рассматривать природу как нечто «самосущее», в конце концов, приводит к обратному результату – но это происходит потому, что разум трансформируется в процессе своего движения. Исходя из этого, В. И. Вернадский сделал очень точное определение мировоззренческого парадокса, свойственного советской идеологии: «все высказывания диалектиков-материалистов я считаю в значительной мере “религиозной” – философской» (31 мая 1941 г.) [2, с. 88]. И исходя из этого, он называл «Диалектику природы» Ф. Энгельса «мистикой». Это, писал он, «мистика, как они этого не видят? Мне пришлось, не помню также, в котором году, в Москве (после 1934 года) высказать это публично; а в другой раз ко мне подошел молодой студент и переспросил – верно ли, что я считаю “Диалектику природы” мистикой, что я подтвердил» (13 декабря 1941 г.) [2, с. 89]. Но на каком основании можно сделать такое утверждение? В «Диалектике природы» своеобразно явлен и принцип «все во всем» и то, что выше было названо «причастным» мышлением, свойственным и самому В. И. Вернадскому. Но все это – четкий признак мистической (в указанном выше смысле) мысли.

В этом контексте следует воспринимать и сциентистский взгляд на наследие В. И. Вернадского, например, выраженный в тезисе Н. Н. Моисеева: «Все его усилия были направлены на то, чтобы доказать неразделимость косного и живого вещества, а следовательно, и человека... постепенное расширение горизонта и наполнение конкретным содержанием общей “идеи системности” нашего Мира» [9, с. 7]. Но, как видно из ранее цитированных текстов, В. И. Вернадский мыслил прямо противоположно материализму, т. е. не материи приписывал признаки Абсолюта, как это делают материалисты, но наоборот, видел *причастность* материи к Абсолюту, усматривал действие в ней и через неё духовных энергий, исходящих от Творца и творящих этот мир. Только в этом контексте и можно помыслить «неразделимость косного и живого вещества, а, следовательно, и человека» – иначе придется допустить варварский редукционизм, сводя всё сущее к проявлениям «косного вещества». В свою очередь, поэтому он мог и очень чётко усматривать реальную мистику в материализме – но мистику крайне наивную и бессознательную, вопреки всему декларируемому рационализму и сциентизму материалистов.

В январе 1920 г. В. И. Вернадский записывает в своем дневнике: «Обычно духовный мир человека (мир свободы Канта) отделяют от мира природы. Раз для нас ход цивилизации и духовного творчества человека отражается в определенной и неизменной по направлению с остальными проявлениями живого вещества форме в геохимических явлениях, не следует ли отсюда, что это деление двух миров только кажущееся?» [1, с. 14]. А много лет раньше, ещё 2 июля 1887 г. в письме к Н. Е. Вернадской он отмечал: «Мы приближаемся к гилозоизму атомному» (1941 г.) [10, с. 146]. В обоих случаях утверждается один и тот же тезис о *пронизанности материи высшими энергиями*, которые и определяют само её движение (гилозоизм), и её антропогенные изменения.

Более того, В. И. Вернадский утверждает и необходимость признания *непознаваемости* определённых явлений. В дневниковой записи от 15 мая 1884 г. он отмечал: «разве нет в природе массы явлений, которые никак не могут быть объяснены, но отбрасывать которые как неправдоподобные, ложные, кажущиеся мы не имеем права, рассуждая научно и логически?» [10, с. 58]. Напомним, что мыслитель чётко ощущал внутреннее несовершенство и незавершённость человеческого разума; в частности, он пережи-

вал это и в самом процессе научной работы. В. И. Вернадский отмечал, что у него тяжелое «настроение может быть особенно сильно тогда, когда мысль особенно глубоко и хорошо работает, когда дух проникает в окружающее и когда ты чувствуешь ускоренный темп смелого вхождения в окружающую мглу. Искренняя и смелая мысль есть часто страдание... соединение тяжёлого настроения по отношению к “целям” жизни и хорошей работы мысли, – совершенно понятно» [10, с. 189].

Это одно из проявлений причастной природы самого разума, когда мысль движима страданием. Но есть и прямо противоположное её проявление. В письме к Н. Е. Вернадской 13 июня 1888 г. он отмечал, что в минуты, когда обдумываешь те или иные вопросы, когда, «соединяя известное уже ныне, стараешься связать эти данные, найти способ проникнуть глубже и дальше в строение вещества, в такие минуты переживаешь какое-то особое состояние, это настоящий экстаз» [10, с. 61]. Эти два прямо противоположных состояния мысли, находящейся в состоянии крайнего познавательного напряжения, как нам кажется, выявляют в своей сопряжённости и взаимоперетекании глубокую сущность разума как «органа» *преображения* человека: если мысль-страдание разрушает ветхое, отжившее, а значит, уже ложное в нем, то мысль-экстаз приобщает его к тому новому и высшему, что было ранее ему недоступно. Это важное наблюдение В. И. Вернадского, несомненно, имеет большую ценность.

Не меньшую ценность для понимания природы научного познания и законов познавательной деятельности имеет и другое его наблюдение. В 1894 г., в разгар научной работы (экспериментальной и теоретической) учёный писал: «С большим наслаждением читал арабские сказки (1 001 ночь) и сказки Андерсена» [10, с. 147]. Что означает это сочетание? Сам В. И. Вернадский даёт этому феномену свое собственное объяснение: «Учёные – те же фантазёры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. У них идеи сменяются; появляются самые невозможные, часто сумасбродные; они роятся, кружатся, сливаются, переливаются» [10, с. 56]. Учёные отличаются тем, что они живут среди таких идей и именно для них они работают с настоящим вдохновением; хотя они совершают много сравнительно механической, временно нужной работы, но удовлетворить их она не может,

как «не может удовлетворить вольную душу художника составление рисунков для каких-нибудь народных изданий, не может удовлетворить учёного работа над каким-нибудь вопросом, который кажется теперь нужным и необходимым»; поэтому, как пишет далее В. И. Вернадский, «мы знаем только малую часть природы, только маленькую частичку этой непонятной, неясной, всеобъемлющей загадки, и всё, что мы ни знаем, мы знаем благодаря мечтам мечтателей, фантазеров и учёных поэтов» [10, с. 57]. Это рассуждение В. И. Вернадского, основанное на личном опыте и самонаблюдении, подтверждает идею И. Канта о продуктивном воображении как основе всякой познавательной деятельности, в том числе и чисто научной. Но его контекст здесь явно связан с утверждением «причастной» природы мышления, устремленного к цельному знанию («всё во всём»), к которому можно двигаться разными путями, – о чём подробнее было сказано выше.

Одним из таких путей была для В. И. Вернадского и философия. В письме от 24 июля 1902 г. он отмечал, что смотрит на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаёт ей огромное, плодотворное значение: «Мне кажется, – писал учёный, – это стороны одного и того же процесса – стороны, совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются только в нашем уме... Развитие научной мысли никогда долго не идёт дедукцией или индукцией – оно должно иметь свои корни в другой – более полной поэзии и фантазии области: это или область жизни, или область искусства, или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией, рационалистическим процессом – область философии» [10, с. 193]. Как показывает история познания, философия всегда заключает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области будущего развития науки, и «только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежно схематических построений науки. В истории... научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии, как корней и жизненной атмосферы научного мышления» [10, с. 193].

Принцип цельного знания, первичность такого мирообъемлющего созерцания по отношению к любой частной предметности знания (принцип «всё во всём») наблюдается В. И. Вернадским и в процессе собственной работы. Он отмечал однажды: «Я не могу работать, не отрывая постоянными урывками свой ум от специалистов предмета и не читая

постороннего. И всегда – во время приготовления к экзаменам и спешных работ – я перечитывал гораздо больше книг, чем в обычное время... Прочёл... за неимением лучшего большую статью Вагнера о классификации пауков! Только постоянными оживлениями ума он получает нужную интенсивность и ширь в работе» [10, с. 84]. Этот феномен объясняется не только необходимостью временного отвлечения от проблемы, чтобы затем посмотреть на неё по-новому, но и тем, что разные структуры мироздания всегда обнаруживают такой изоморфизм между собой, который позволяет усматривать закономерности посредством усмотрения подобий.

Ещё в начале жизненного пути у В. И. Вернадского сложился образ некоего синтетического познания, который он усматривал в наследии великих умов прошлого. Так, в одном из ранних писем он отмечал, что «один из величайших умов человечества», основатель современной химии Роберт Бойль пытался понять всё происходящее всеми доступными ему средствами, и поэтому «во всех отделах знания видны следы работы его ума; он пользовался и опытами, и наблюдениями, и вычислением; он пытался найти истину и путём онтологическим, и углублялся в дебри теологии, и всеми силами и на практике проводил в жизнь, что считал истинным. Работая над солями, он первый сделал важное обобщение о том, что каждому составу, по-видимому, соответствует своя особая форма; все философское значение этого обобщения, кажется мне, и теперь ещё не понято как следует» [4, с. 59]. По-видимому, именно этот образ синтетического ума, охватывавшего всю предметную амплитуду познания – от химических экспериментов до теологических тонкостей, был и образцом для самого В. И. Вернадского.

II. Религиозные истоки культуры. В своём мировоззренческом развитии В. И. Вернадский двигался от явного скептицизма в отношении религии в молодости к пониманию полной реальности религиозного опыта и базовой роли религии как истока любой культуры в зрелый период творчества. При этом, не будучи воцерковленным человеком, он проявлял глубоко христианское понимание сущности религии как таковой, видя в ней особое личностное отношение к Богу, и категорически не принимал пантеизм. Он писал, что не может понять пантеизма, как не может понять счастья и цели в слиянии с природой или того удовлетворения, какое даёт сознание, что «твоя погибель (а в данном случае вся жизнь в сущности сводится к умению хорошо погибнуть) полезна для общего. Для

меня единственно и понятие религия, где есть вечно сущая бессмертная личность – и всякое Божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека. Я не хочу понять пантеизма как религию ещё потому, что он допускает единство мира, мировые законы и т. п. – одним словом, целое – природу – как нечто несомненное, а мне кажется, все это есть фантазия, есть создание человеческого сознания или духа» [10, с. 133]. Личностное понимание истоков религиозного опыта видно ещё в «критической» молодости, в письме к Н. Е. Вернадской 3 июля 1888 г.: «Существование “религиозных” чувств есть прямое следствие общественной, неодинокимой жизни» [8, с. 67].

Путь В. И. Вернадского к признанию реальности религиозного опыта лежал через наблюдение над народной культурой. Ещё в письме 1888 г. учёный писал: «И в самом деле, на чём основано наше убеждение, что есть только один путь познания? Отчего мы можем узнавать только путём тех логических попыток, которые делаются отдельными людьми?» [4, с. 398]. Он отмечал, что то, что выработано народную жизнью является «сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого»; поэтому «принужден ухватиться за этот способ познания, сила которого представляется мне великой. Велика она и тем, что *вся жизнь является при этом средством познания...* Масса народная обладает известной возможностью вырабатывать известные знания, понимать явления, она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями» [выделено мной – авт.] [4, с. 398].

Характерно, что рассматривая традиционную народную культуру, В. И. Вернадский выделяет ряд признаков, которые позднее он укажет в качестве признаков новой геологической эпохи – ноосферы. В эпоху ноосферы человечество сознательно вырабатывает такой способ взаимодействия с природой, который должен не только сохранить саму природу, но и изменить при этом сам тип человеческой культуры, снова вернуть ей первозданную органичность и целостность, утраченные в индивидуалистической техногенной цивилизации. Именно эти черты он выделяет и в первичной «народной культуре»: 1) целостность (соборность) человеческих коллективов; 2) «идеал вырабатывается жизнью», а не отвлечённым рассудком; 3) в основе общественных идеалов лежит понятие красоты, а не корысти. Таким образом,

отмеченные В. И. Вернадским главные черты традиционной народной культуры явно указывают, что уже в этой архаической культуре существовал целый ряд важнейших признаков «ноосферы». Более того, в некоторых отношениях эта культура стояла намного ближе к подлинной ноосфере, чем современная техногенная цивилизация.

В. И. Вернадский выработал и свою концепцию экономики, согласно которой исток экономического развития – не стремление к богатству как таковое, но человеческое творчество как самоцель. Плодами творчества уже только *пользуются* другие для обогащения. В дневнике от 18 июля 1916 г. он писал: «Ценность создается не только капиталом и трудом. В равной мере необходимо для создания предмета ценности и творчество. Его может внести в дело третья категория лиц, различная по своему участию в деле и по своему составу, и от рабочего и от капиталиста. Результатами её творчества могут воспользоваться – и обычно пользуются – как рабочие, так и капиталисты. И те и другие могут её эксплуатировать, как 3-ю силу, с ними равноценную» [10, с. 279]. Он пишет, что, если капитал постоянно увеличивается, а рабочий труд его постоянно создаёт, то это происходит только потому, что они вместе действуют по формам созданным творчеством, и «этим сознательным и бессознательным творчеством проникнута вся экономическая жизнь и без него она столь же верно обречена на погибель, как без капитала и без труда. Несомненно, сейчас в данный момент, если бы прекратилось творчество, экономическая жизнь не замерла бы, продолжалось бы рутинно по прежним рамкам накопление капитала и использование труда: но оно происходит только за счёт прежде накопленного и переведённого в формы реальной жизни творчества. Экономическая жизнь не раз давала нам примеры подобного рода» [10, с. 280]. Здесь мы видим опровержение теории К. Маркса, согласно которой источником ценности является только труд наёмных рабочих, и опровержение противоположной ей теории «предельной полезности» товаров, т. к. в последней также не учитывается ценность творчества создателей новых технологий производства.

Наконец, ещё одним важным культурологическим обобщением учёного была мысль, высказанная им после путешествия с осмотром памятников античности. В письме от 23 августа 1909 г. он сформулировал своё наблюдение над общей закономерностью развития великих культур: «Быстрое достижение предела – а затем такая же возмож-

ность быстрого упадка» [10, с. 232]. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание всех старых путей, искание новых? Есть ли упадок – результат, причина психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще? – такие вопросы задает себе В. И. Вернадский. Он отмечает так же и глубокое психологическое воздействие своего опыта знакомства с древностями: «Посещение развалин... отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. *Ведь если упадок есть неизбежное следствие достижения наибольшего совершенства, то всё человеческое мирозерцание должно строиться на сознании имени или возможности имени абсолютного.* Таково мирозерцание верующих людей, к какой бы религии они ни принадлежали» [выделено мной – авт.] [10, с. 233]. Таким образом, суть этого рассуждения сводится к тому, что культурное творчество всегда в своих истоках движимо исканием Абсолюта и попытками его пластического выражения, но именно поэтому подлинные взлеты культуры и оказываются хрупкими и недолговечными, ведь опыт приближения к познанию Абсолюта всегда ограничен несовершенством человеческого разума и его творений. Эта мысль содержательно связана с центральной интуицией всего мировоззрения В. И. Вернадского – интуицией *значимости формы*.

III. Мир как Кристалл. Идея значимости формы, без которой материя сама по себе была бы лишь простой потенцией, но не реальным сущим, весьма сближает мировоззрение В. И. Вернадского с Аристотелем. Это очень интересный пример того, как метафизическая идея вырастает из эмпирических наблюдений и обобщений, и проходя стадию интуиции, превращается уже в мировоззренческий принцип. В дневнике от 15 мая 1884 г. он писал: «Все явления в природе, по видимому, зависят от внутреннего строения вещества, от формы, а на это до сих пор почти не обращали внимания и нет ещё отдельной отрасли знания, захватывающей этот отдел во всём объеме, и этот отдел должен быть создан» [10, с. 58].

В 1890 г. В. И. Вернадский прочитал в Московском университете лекцию «О полиморфизме как общем свойстве материи», в которой впервые этот принцип был изложен. Эта лекция была напечатана в университетских учёных записках и произвела большое впечатление. Это объясняется тем, отмечал

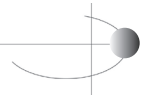
учёный, что «кристаллология представляет из себя только часть совсем неразработанной науки о форме, о строении и изменениях строения материи (частичная физика)... *Принимая представление о науке в общепринятом смысле, мы можем считать за науку одну кристаллологию – науку о строении материи.* Химия рассматривает переходы материи в тела различного состава. Физика – действие сил на материю (физическая химия – действие сил (иначе сказать, состояний материи) на тела различного состава). Но кроме состава и состояний материи (сил) есть ещё форма материи, её строение... мы должны признать, что есть что-то в свойствах материи, противящееся изменениям (инертность). Эта инертность прямо зависит от формы, от строения материи, и мы только тогда можем рассматривать явления природы, когда не будем забывать о форме и строении» [10, с. 41–42]. Позднее уже он отмечал, что «глубокое философское значение кристаллографии вполне непонятно и неясно нашим современникам» (1900) [10, с. 174]. Для нашей же цели принципиально важным является тот культурный смысл этого научного открытия, который показывает наивность представления о саморазвитии материи из хаоса и необходимость привнесения формы в материю как её организующего начала. Это открытие важно и как репрезентация особого *стиля мысли*, который может быть определён как *морфизм*. В понимании культурных явлений В. И. Вернадский являет этот стиль во многих ранее приведённых рассуждениях. Этот стиль вообще характерен для русской философии культуры; в частности, самого яркого своего выражения он достиг в историософии и публицистике К. Леонтьева.

IV. История философии: циклы самообновления разума. Ценными являются наблюдения В. И. Вернадского над закономерностями эволюции философского мышления. «В общем ходе развития философских идей заметна периодичность. Мы находимся теперь во втором незаконченном философском периоде», – отмечал он [6, с. 406]. Эта наблюдаемая периодичность состоит в следующем: «Многочисленные, вдохновенные мистические и религиозные интуиции проникают целиком эти первые философские системы. В них слита философия с точным знанием»; но при этом и «остаётся огромная область наблюдаемого, мыслимого или чувствуемого, которая не поддается никакой символизации. К ней постоянно обращается мысль и чувство философских интересов, и этот неразгаданный остаток оказывает всё большее и боль-

шее влияние на направление человеческого ума. Философские системы превращаются в системы мистические, вопросы религиозные, вопросы тайн начинают все более и более завлекать исследователя» [6, с. 406]. Итак, философия возвращается к своему истоку – мистическому опыту.

Затем начинается новый цикл. Новый период начинается в XV в. На почве религиозного брожения, выраженного в школах мистиков, в развитии магических увлечений, в тесной связи с теологическими задачами схоластики, вырастает натурфилософия. Одновременно с этим начинается мощное развитие математики и математического понимания явлений природы. Одни и те же люди работают иногда в обеих областях искания. «Но орудие философской работы, – отмечал учёный, – мышление – было перенесено более совершенным из первого периода и было развито работой схоластиков... Глубже становится философский язык, утончается орудие разума – логика и теория познания открывают совершенно неожиданные и необозримые горизонты»; но затем снова «иссыкает созидательная работа разума. Вновь выдвигаются мистические, религиозные – и магические – стремления и интересы. Они проникают не только философию, но к математику, и точное знание... Начинается конец периода?.. Перенесётся в новый период только опытное знание – которое сыграет роль схоластики?» [6, с. 406–407]. Итак, тот же цикл снова повторился. Так философия хранит идеал цельного знания.

V. Кризис цивилизации и призвание России. Наконец, стоит отметить ряд примеров тонкого диагноза и прогноза культурных процессов XX века В. И. Вернадским. Многократно бывая в Европе и Америке, он быстро преодолел многие русофобские мифы, весьма распространённые среди интеллигенции. Так, например, в Торуне в 1902 г. он отметил: «Здесь поляки – сторонники русских и России» [10, с. 190]; и это естественно, если, например, редактор «Газеты Торуньской» сидит в тюрьме за «статьи против немцев». Для сравнения он отмечает, что история Ирландии – это «обвинительный акт, ужасающий, Англии... Куда Польша!» [10, с. 224]. Разрушается и миф о якобы «отсталости России». Так, в Англии он записывает: «в качестве возможностей в России дело обставлено лучше. У нас только была меньше производительность научной работы, быстро теперь поднимающаяся... В частности, по отношению к минералогии и кристаллографии в Англии учиться нечему» (14 августа 1908 г.) [10,

с. 223]. В письме 1910 г. он отмечает, что Институт М-ме Кюри: «с минералого-кристаллографической точки зрения, мы несравненно впереди. И по характеру работы, и по методам и по количеству работающих – никакого сравнения» [10, с. 235]. В другом письме 1910 г. он пишет уже из Торонто: «Поражает роскошь университетского образования, широта возможностей научной работы, но малая индивидуальная сила работников. Крупных талантливых личностей мало. Берётся всё организацией, средствами; многочисленностью работников» [10, с. 237]. Русская наука не страдала излишней роскошью, но имела крупных талантливых личностей.

В письме от 6 августа 1913 г. из Чикаго он отмечает: «Впечатление, что банки здесь храмы» (13 августа 1913 г.) [10, с. 262]. Можно ли ещё найти столь точное афористическое определение всей сущности западной цивилизации?

Революции 1917 года и новому социальному строю В. И. Вернадский поставил весьма жестокий диагноз: «теряются идейные, честные люди. Жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу... Несомненно, переживаемая революция дала большому числу и этих людей выйти на поверхность, как только создадутся условия для гибели шлага. А долго он существовать не может, так как он сам себя истребляет и уничтожает и скоро становится невыносимым всем (15 марта 1920)» [1, с. 41]. Однако он не считал этот процесс столь одномерным, видел в нём и другую сторону. Так, в дневнике от 14 ноября 1917 г. он отметил: «Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного» [10, с. 289].

В дневнике от 10 октября 1920 г. он пишет об одном из своих оппонентов С. П. Попове и свои возражения ему. Этот оппонент считал русский народ «никуда не годным, азиатским». «Когда-то и я считал это, – отмечал В. И. Вернадский, – сейчас у меня многое изменилось: я считаю главным виновником русскую интеллигенцию с её легкомысленным отношением к государственности, бесхарактерностью и продажностью, и имущие классы. Народ хочет быть теми же имущими классами и у него те же идеалы» [1, с. 24]. Столь сильное обвинение в адрес интеллигенции как главной виновнице катастрофы 1917 года высказывали и другие авторы, но здесь оно звучит из уст одного из самых ярких её представителей.

Однако В. И. Вернадский был уверен, что это не навсегда. В своих размышлениях он отмечает, что «русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их» [5, с. 568]. Возможна ли позитивная трансформация этого культурного типа в будущем? В. И. Вернадский был уверен, что возможна и закономерна. «Так было. Но так не будет, – писал он далее, – в огне и буре великой небывалой разрухи идёт процесс не только борьбы материальных сил, но и процесс огромного внутреннего перерождения. Создаётся новая интеллигенция... Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства... Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являются фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идёт широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки» [5, с. 568–569].

В тенденциях русской культуры начала XX в. В. И. Вернадский видел начало большого цивилизационного поворота, становления нового типа культуры вообще, сущностно связанного с возвращением к её истокам: «Входят в сознание русского общества и старые, и новые богословы и мыслители, – писал он. Это совершается в момент великого изменения научной области, когда становится недостаточным старое представление о мире как механическом построении... Видно проявление ещё чего-то, во многом созданного интуицией богословского и философского проникновений... Важно то, что появляется в мировой культуре, в формах проявления, теснейшим образом связанных с современной наукой и философией, впервые после великих отцов Восточной церкви первых веков христианства, независимая от еврейского, протестантского и католического богословско-философского мышления православная богословско-философская мысль»; это «проявит новые черты духовного проявления человечества (как русская музыка или русский роман)» (Дневник. 23 марта 1920) [8, с. 41]. К настоящему времени большие достижения именно в этих областях, связанных с духов-

ным возрождением народа, полностью подтвердили его прозрения.

Кратко рассмотренные здесь основные идейно-тематические аспекты культурологического наследия В. И. Вернадского требуют дальнейшего, более систематического и критического исследования. В качестве обобщающего вывода отметим, что культурологическое наследие учёного и мыслителя можно рассматривать как органическую часть рус-

ской философии Серебряного века, поскольку оно достаточно чётко вписывается в основные культурологические интенции всей этой традиции: критику сциентизма, линейного представления о «прогессе», обнаружение религиозных истоков культуротворчества, идущий от К. Леонтьева морфизм как стиль мировосприятия и мышления, критику западной цивилизации и прозрение новых горизонтов русской культуры.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. (Январь 1920 – март 1921). Киев: Наукова думка, 1997. 324 с.
2. Вернадский В. И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 81–94.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 296 с.
4. Вернадский В. И. Письма Н. Е. Вернадской (1886–1889). М.: Наука, 1988. 304 с.
5. Вернадский В. И. Русская интеллигенция и новая Россия // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. С. 568–569.
6. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
7. Вернадский В. И. «Я верю в силу свободной мысли...» Письма И. И. Петрункевичу 1924–1927 гг. // Новый мир. 1989. № 11. С. 192–221.
8. Из дневника В. И. Вернадского // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 40–44.
9. Моисеев Н. Н. Вернадский и современность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 3–13.
10. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. М.: Наука, 1981. 350 с.

References

1. Vernadskii V. I. Dnevniky 1917–1921. (Yanvar' 1920 – mart 1921). Kiev: Naukova dumka, 1997. 324 s.
2. Vernadskii V. I. «Korennyye izmeneniya neizbezhnny...». Dnevnik 1941 goda // Novyi mir. 1995. № 5. S. 81–94.
3. Vernadskii V. I. Nauchnaya mysl' kak planetnoye yavlenie. M.: Nauka, 1991. 296 s.
4. Vernadskii V. I. Pis'ma N. E. Vernadskoi (1886–1889). M.: Nauka, 1988. 304 s.
5. Vernadskii V. I. Russkaya intelligentsiya i novaya Rossiya // Vernadskii V. I. Biosfera i noosfera. M.: Rol'f, 2002. S. 568–569.
6. Vernadskii V. I. Filosofskie mysli naturalista. M.: Nauka, 1988. 520 s.
7. Vernadskii V. I. «Ya veryu v silu svobodnoi mysli...» Pis'ma I. I. Petrunkevichu 1924–1927 gg. // Novyi mir. 1989. № 11. S. 192–221.
8. Iz dnevnika V. I. Vernadskogo // Vek KhKh i mir. 1989. № 6. S. 40–44.
9. Moiseev N. N. Vernadskii i sovremennost' // Vopr. filosofii. 1994. № 4. S. 3–13.
10. Stranitsy avtobiografii V. I. Vernadskogo / sost. N. V. Filippova. M.: Nauka, 1981. 350 s.

Статья поступила в редакцию 5.03.2014.